

www.jpis.az

13 (1)
2022

Цифровизация правовой коммуникации в информационном обществе

Андрей В.Скоробогатов

Казанский инновационный университет имени В.Г.Тимирязова (ИЭУП), 420111, Россия, Республика Татарстан, Казань

av.skorobogatov@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

<http://doi.org/10.25045/jpis.v13.i1.05>

История статьи:

Поступила 01 сентября 2021

После доработки 05 ноября 2021

Принята 13 января 2022

Ключевые слова:

Киберправо

Цифровизация

Информационное общество

Правовая коммуникация

Правовой дискурс

Виртуальная реальность

Правовая реальность

Конвенциональность права

Социальное право

Индивидуальное право

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрена цифровизация правовой коммуникации как важнейшая черта развития правовой реальности информационного общества. На основе дискурсивно-коммуникативной методологии проанализированы коммуникативная природа виртуальной реальности и роль правовых средств в обеспечении бесконфликтного взаимодействия ее субъектов. Сделан вывод, что проявлением цифровизации правовой реальности является конструирование киберправа, которое одновременно выступает как форма виртуального правового дискурса и институт цифрового права. Киберправо представляет собой совокупность конвенционально сформированных в процессе правовой коммуникации правил, регулирующих отношения двух или более лиц по поводу виртуальных имущественных и личных неимущественных благ. Конструирование киберправа осуществляется в процессе правовой коммуникации и представляет собой конвенциональный результат взаимодействия, обеспечивающий бесконфликтное сосуществование виртуальных сообществ на основе ценностных ориентаций. Многоплановость виртуальной правовой коммуникации определяет киберправо как фрагментированное множество относительно самостоятельных нормативных массивов отдельных виртуальных сообществ, имеющих лишь минимально общие черты, которые можно обозначить как принципы киберправа - анонимность, конвенциональность, незыблемость частной собственности, публичность.

Digitalization of law communication in the information society

Keywords:

Cyber law

Digitalization

Information society

Law communication

Law discourse

Virtual reality

Law reality

Conventionality of law

Social law

Individual law

The article examines the digitalization of law communication as the most important feature of the development of the law reality of the information society. On the basis of the discursive-communicative methodology, the communicative nature of virtual reality and the role of law means in ensuring conflict-free interaction of its subjects are analyzed. It is concluded that the manifestation of digitalization of law reality is the construction of cyber law, which simultaneously acts as a form of virtual law discourse and an institution of digital law. Cyber law is a set of rules conventionally formed in the process of law communication that regulate relations between two or more persons regarding virtual property and personal non-property benefits. The construction of cyber law is carried out in the process of law communication and is a conventional result of interaction that ensures conflict-free coexistence of virtual communities based on value orientations. The polyphonic nature of virtual law communication determines that cyber law is a fragmented set of relatively independent normative arrays of separate virtual communities that have only minimally common features that can be designated as the principles of cyber law (anonymity, conventionality, inviolability of private property, publicity).

İnformasiya cəmiyyətində hüquqi kommunikasiyanın rəqəmsallaşması

Açar sözlər:

Kiber hüquq

Rəqəmsallaşma

İnformasiya cəmiyyəti

Hüquqi kommunikasiya

Hüquqi diskurs

Virtual reallıq

Hüquqi reallıq

Hüququn konvensionallığı

Sosial hüquq

Fərdi hüquq

Məqalədə hüquqi kommunikasiyanın rəqəmsallaşması informasiya cəmiyyətinin hüquqi reallığının inkişafının ən mühüm xüsusiyyəti kimi nəzərdən keçirilir. Diskursiv-kommunikativ metodologiya əsasında virtual reallığın kommunikativ xarakteri və onun subyektlərinin münəqişəsiz qarşılıqlı fəaliyyətinin təmin edilməsində hüquqi vasitələrin rolu təhlil edilir. Belə qənaətə gəlinir ki, hüquqi reallığın rəqəmsallaşmasının təzahürü eyni zamanda virtual hüquqi diskurs forması və rəqəmsal hüquq institutu kimi çıxış edən kiberhüququn qurulmasıdır. Kiberhüquq, iki və ya daha çox şəxs arasında virtual mülkiyyət və şəxsi qeyri-əmlak nemətləri ilə bağlı münasibətləri tənzimləyən hüquqi ünsiyyət prosesində şərti olaraq formalaşan qaydalar toplusudur. Kiberhüququn qurulması hüquqi ünsiyyət prosesində həyata keçirilir və dəyər oriyentasiyaları əsasında virtual icmalarnın münəqişəsiz birgə yaşayışını təmin edən qarşılıqlı əlaqənin şərti nəticəsidir. Virtual hüquqi ünsiyyətin polifonik təbiəti müəyyən edir ki, kiberhüquq, kiberhüquq prinsipləri kimi təyin oluna bilər (anonimlik, konvensionallıq, xüsusi mülkiyyətin toxunulmazlığı, təbliğat).

1. Введение

Для современного мира характерны процессы глобализации, транскомуникативные и ценностные трансформации, обусловленные формированием новой социальной реальности, порожденной информационно-компьютерной революцией. Технологическим основанием новой реальности становятся не индустриальные, а информационные технологии, усиливающие перформативность, символизм и интерпретативность всех сфер общественной жизни. Происходит формирование нового типа общества – информационного [1] (цифрового, виртуального, кибер-), для которого характерно изменение значения социального взаимодействия как средства конвенционального конструирования реальности. Благодаря расширению циркуляции информации увеличивается интегративность социального взаимодействия, все больше приобретающего полисубъектный характер, и обеспечивается жизнеспособность информационного общества. Однако речь идет не только об онтологическом уровне реальности, но и аксиологическом. Под воздействием процесса информатизации всех сторон жизнедеятельности человека изменяется ценностная основа сознания и поведения человека, трансформируются традиционные формы коммуникации, усложняются системные связи социальных субъектов. Изменение характера социальной коммуникации сопровождается трансформацией системы ценностей [2], в дальнейшем детерминирующих мировоззренческие установки субъектов взаимодействия на оценку как собственных действий, так и поведения и высказываний иных лиц. Это находит отражение и в правовом дискурсе, все больше приобретающем виртуальный (цифровой) характер.

Исследовательский интерес к правовой коммуникации связан с лингвистическим поворотом гуманитарного знания, который начался в 1960-х годах. В работах В.М. О'Барра [3] и Д. Меллинкоффа [4] впервые была поставлена проблема дискурсивности права и роли языка в формировании и содержании правового массива.

Однако в полной мере проблема взаимодействия субъектов в правовой реальности, в т.ч. в процессе ее конструирования, была поставлена лишь в 1980-1990-е годы при разработке коммуникативной [5, 6] и аргументативной теорий права [7, 8].

В России к проблеме дискурсивности права и правовой коммуникации обратились лишь в 2000-е годы. [9-15]. Проанализировав роль языка в правовой реальности, российские ученые сделали вывод о ее коммуникативности и возможности воздействия на сознание и поведение субъекта права языковыми средствами. Своеобразным итогом дискурсивной рефлексии стал сборник статей российских и зарубежных авторов *The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse* [16], в котором проанализированы интерпретативные возможности правового дискурса и обозначена его определяющая роль в развитии и функционировании правовой реальности.

Однако эти исследования преимущественно касаются правовой коммуникации в социальном пространстве, делая акцент на онтологических аспектах. При этом не учитываются цифровизация и виртуализация правовой коммуникации, усиление симулятивности и конвенциональности правовой реальности, необходимость смещения исследовательского интереса на аксиологические проблемы. Лишь в последние годы появились работы, посвященные отдельным аспектам социальной коммуникации в виртуальном пространстве, затрагивающие и правовые проблемы [17].

Цель статьи – исследовать особенности правовой коммуникации в виртуальном пространстве в условиях развития информационного общества.

Методологической основой исследования является постклассическая парадигма, ориентированная на междисциплинарное философско-правовое исследование правовых явлений в широком историческом и социокультурном контексте, прежде всего дискурсивно-коммуникативная теория Ю. Хабермаса [18], позволяющая рассмотреть правовые феномены через призму их интерпретации, нашедшей отражение в юридических текстах и поведении субъектов правовой коммуникации. Адаптация этих идей к российской правовой реальности была осуществлена в работах А.В.Полякова [19] и И.Л.Честнова [20]. Эти методологические установки определили разработку комплексного дискурс-правового анализа [21], который позволяет изучить принципы, основания и закономерности правовой деятельности на основе исследования вербальных и невербальных средств правовой коммуникации не только в социальном, но и в виртуальном пространстве.

2. Виртуальная реальность в коммуникативном контексте

Важнейшим проявлением информационного общества становится появление виртуальной реальности (виртуального пространства, киберпространства). Это опосредовано усилением роли социальных сетей и иных средств виртуального взаимодействия в социальной коммуникации [22]. Как показывает ряд исследований социологической и психологической направленности, виртуальная коммуникация имеет специфический характер [23], обусловленный не только изменением характера взаимодействия, но и трансформацией субъекта. Важнейшим элементом виртуальной реальности становится виртуальное правовое пространство, являющееся продолжением социального правового пространства [24] и представляющее собой совокупность взаимоотношений между участниками правовой коммуникации в виртуальной реальности.

В условиях виртуальной реальности формируется принципиально иной человек, социальные и правовые потребности которого разграничены на социально опосредованные и индивидуально опосредованные. В первом случае индивид выступает как член определенного сообщества (общество, социальная группа) и демонстрирует правовое поведение, необходимое для социальной идентификации [25]. Во втором – правовое поведение человека определяется исключительно субъективными устремлениями и направлено на реализацию индивидуальных интересов, зачастую социально нейтральных или даже асоциальных. При этом могут возникать новые ценности, содержание которых детерминировано преимущественно горизонтальной направленностью виртуальной правовой коммуникации. В отличие от социальной системы правовых ценностей, индивидуальные ценности являются более субъективными и интерпретативными, опосредованными индивидуальным правовым опытом и ситуативным видением (интерпретацией) коммуникативного акта. Происходит размывание границ виртуального и реального мира, в результате чего привычные и традиционные аспекты человеческой сущности переходят в плоскость цифровизации.

Реализуя индивидуально опосредованные потребности в процессе виртуальной правовой коммуникации, человек выступает в роли творца новой реальности (кибернетической), которая

для него все больше приобретает первичный характер по отношению к физическому миру, рассматриваемому лишь как один из возможных и(или) конструируемых миров. Большую роль при этом играют информационная открытость (публичность), стремление человека максимально раскрыть себя во внешней среде [26]. Однако речь идет не о трансляции своего реального «Я», а лишь о передаче своего аватара (визуального образа), поведение которого опосредовано условиями не столько социальной реальности, сколько виртуальной. При этом правовая нагрузка аватара может быть детерминирована как вовлеченностью индивида в правовую коммуникацию в виртуальном пространстве (особенно в онлайн-играх [27], так и исключительно репрезентативными стратегиями [28], основанными на индивидуальном праве конкретного человека.

Если индивидуальное право в реальном мире представляет собой «совокупность правил и установок на совершение определенных действий, выгодных и удобных индивиду и не противоречащих социальному праву группы, с которой он себя идентифицирует» [29], то в виртуальном пространстве оно может выступать ситуативно детерминированной реакцией человека на удовлетворение индивидуальных потребностей, ценностно не обязательно связанной с реальными и номинальными сообществами, с которыми себя идентифицирует индивид.

Социокультурные реалии виртуального пространства имеют амбивалентный характер и содержат в себе экзистенциальную неопределенность, порождая ситуацию отсутствия ценностных ориентаций и ослабляя социальную ориентированность человека, в т.ч. установку на необходимость достижения конвенционального согласия в виртуальном правовом взаимодействии. Отсутствие в виртуальном пространстве строго определенных аксиологических маркеров обуславливает тот факт, что рефлексия конкретного коммуникативного акта может осуществляться индивидом плюрально, без учета потенциальных правовых санкций.

В значительной степени содержание индивидуального права зависит от ценностных установок человека на участие в правовой коммуникации, а также на выбор им определенной социальной роли. Однако в отличие от подобных действий в социальном пространстве выбор виртуальной модели поведения носит более ситуативный характер и зачастую обусловлен не только

ценностными установками человека, но и степенью его вовлеченности в социальную коммуникацию в виртуальном пространстве.

Речь при этом идет о возможности одновременного участия индивида во множестве коммуникативных актов, каждый из которых требует выбора своей модели и стратегии поведения. Полиmodalность виртуальной правовой коммуникации порождает принципиально иное отношение человека к содержанию и последствиям своего поведения. Действия, являющиеся эффективными в одном коммуникативном акте, могут иметь прямо обратный эффект в другом. Девиантное поведение в условиях одного ценностно-нормативного пространства может быть инновацией или даже нормой в другом.

Кроме того, на такой выбор влияют и технические возможности человека. Поэтому увлечение новыми гаджетами можно рассматривать не только как дань моде, но и как условие сохранения своего места (или даже повышения статуса) в виртуальном правовом пространстве. Наличие технических возможностей особенно влияет на выбор социальной роли и модели правового поведения в многопользовательских онлайн-играх, позволяющих человеку конструировать свой образ без учета культурного и экзистенциального опыта, руководствуясь исключительно ситуативными потребностями [30]. Однако подобный подход к правовой коммуникации имеет далеко идущие последствия, поскольку порождает у человека уверенность, что удовлетворение индивидуальных потребностей, основанное на индивидуальном праве без учета их правовых последствий, является допустимым (а зачастую и необходимым) вариантом правового поведения. В условиях правового взаимодействия в социальной реальности подобные установки субъекта определяют изначально конфликтный характер правовой коммуникации и порождают не только когнитивный диссонанс, но и фрустрацию, выход из которой возможен только при достижении конвенционального согласия между всеми участниками коммуникативного акта.

Чем больше человек вовлечен и(или) ценностно ориентирован на социальное взаимодействие в виртуальном пространстве, тем больше его индивидуальное право детерминировано социальными нормами, хотя и адаптированными под удовлетворение индивидуальных потребностей в ходе рефлексии. В этой ситуации индивид стремится к максимально успешной интеграции в

социум (не только виртуальное, но и реальное сообщество) путем планомерного управления впечатлением окружающих о себе [31], конструируя аватар, максимально соответствующий не только «Я» человека, но и ценностным ориентациям сообщества, с которым он себя идентифицирует. Это позволяет не только упростить идентификацию и правовое поведение в виртуальном пространстве, но и облегчает правовую социализацию человека в реальном мире.

В противоположной ситуации человек ориентирован преимущественно на репрезентацию своего образа (как вербально, так и визуально) [32] и для него не имеет ценностного значения степень позитивности рефлексии аватара и(или) его вовлеченности в правовую коммуникацию. Ощущаемая индивидом нестабильность своего положения в структуре социума ведет к стремлению избежать социальных связей, отдалиться или устраниваться от общества. Тем самым человек приобретает характер самодетерминированного субъекта, ценностные ориентации которого не опосредованы ценностными установками какого-либо сообщества. Непосредственная связь человека с источником информации в процессе правовой коммуникации в виртуальном пространстве усиливает процесс персонализации, при которой индивид становится все менее зависимым от общепринятого анализа и интерпретации правового текста. Человек при этом одновременно выступает и субъектом конструирования новой реальности (индивидуально или коммуникативно в составе сообщества) и объектом. В последнем случае индивид осуществляет самоконструирование, стремясь создать не просто визуальный образ и идентифицировать себя с определенным сообществом, но и репрезентовать свое полиидентичное «Я» [33]. «Понимание же человеком самого себя, – отмечает Ю.Хабермас, – зависит не только от того, как он сам себя описывает, но и от тех образцов, которым он следует. Самоидентичность «Я» определяется одновременно тем, как люди себя видят и какими, кем они хотели бы себя видеть, кем они находят себя в действительности и согласно каким идеалам стараются проектировать себя и свою жизнь» [34]. При этом происходит усиление визуальности репрезентации [35].

Стремление перенести этот в значительной степени визуальный образ из виртуальной в физическую реальность, характерное для

современных тиктокеров, свидетельствует о том, что даже в условиях преимущественно репрезентативных стратегий правовая коммуникация носит конвенциональный характер [36]. Речь идет об использовании пространства комментариев не только для обсуждения образа, но и для выработки конвенционального ценностного отношения к нему. Однако в действительности конвенциональность здесь достигается не столько горизонтально (интерсубъективно), сколько вертикально. С одной стороны, популярность образа тиктокера обеспечивает преимущественное восприятие его в качестве адресанта правовой коммуникации. С другой стороны, применение чат-ботов или иных технических форм формирования ценностной позиции тиктокера позволяет ему усиливать адресантность своей роли. Благодаря этому сконструированный образ поведения тиктокера становится не просто объектом подражания, а приобретает черты социального права.

Несмотря на видимое расширение коммуникативного поля, виртуальная реальность является лишь симуляком, символической реальностью, характеризуемой фрагментарностью (мозаичностью) и состоящей лишь из отдельных моментов жизни субъекта. Поскольку в виртуальном пространстве индивид может одновременно выступать в разных образах, эти отдельные фрагменты жизни субъекта, в т.ч. носящие и правовой характер (как в юридическом, так и в социальном аспекте), не всегда возможно интегрировать. Хотя речь не идет о полном уходе в «матрицу», виртуальная реальность приобретает аксиологическую артикуляцию.

Человек информационного общества погружается в виртуальную реальность симуляций и все в большей степени воспринимает мир как игровую среду, осознавая его условность, управляемость его параметров и возможность выхода из него. Хотя введенный Й.Хейзингой термин «Homo ludens» (человек играющий) [37] в данном случае нам представляется чрезмерным, игровой характер отношения к миру и своему поведению не только в виртуальном, но и социальном пространстве зачастую является определяющим при выборе варианта поведения в той или иной ситуации [38].

Особенностью виртуальной правовой коммуникации является поверхностный характер, обусловленный не только отсутствием реального взаимодействия, но и все больше расширяющимися возможностями получения информации, в т.ч. электронными средствами. При этом для

человека более важным становится наличие информации, а не ее рефлексия. Обеспечивающая доступность разноплановой информации, коммуникативная компетентность приобретает формальный характер. Выбор информации, а тем более ее трансформация в поведенческие регулятивы все больше носит ситуативный характер. Поведение человека приобретает фрактальность: в различных ситуациях индивид реагирует на один и тот же факт не просто по-разному, но и на основании различных ценностных установок.

3. Киберправо как регулятор виртуальных отношений

Создав виртуальное пространство как новую коммуникативную среду, где основным инструментом коммуникации выступают компьютеры (или другие устройства электронной коммуникации), человек стремится одновременно сформировать и соответствующие нормы поведения, которые не просто являются адаптацией или трансфером позитивного права, а представляют собой принципиально новый комплекс правил, ориентированных на регулирование отношений исключительно в виртуальном пространстве. Речь при этом идет о регулировании коммуникативных отношений, субъектами которых выступает только человек. Отношения с участием чат-ботов или иных форм искусственного интеллекта в значительной степени регулируются техническими средствами, хотя при участии в них человека такие акты можно рассматривать как специфичную форму коммуникации [39] (в т.ч. правовой), носящую односторонний характер.

Виртуальная реальность как пространство правовой коммуникации порождает принципиально новые общественные отношения, которые являются не просто продолжением отношений, существующих в реальном мире, но и отражают новые коммуникативные возможности сети интернет. Анализ сущности и содержания этих взаимоотношений позволяет говорить о необходимости выделения самостоятельной формы правоотношений – виртуальных правоотношений, под которыми мы понимаем отношения в виртуальном пространстве, участники которых являются носителями субъективных прав и обязанностей в сети интернет.

Пространственная, темпоральная и субъектная неопределенность виртуальных правоотношений не позволяет им регулировать нормами

позитивного права, которое имеет строго определенного адресата и предмет регулирования. Это определяет необходимость формирования принципиально нового правового массива, который можно назвать «киберправо» и к определению которого нельзя подходить на основании традиционных позитивистских критериев к системе права.

Киберправо мы рассматриваем как совокупность правил, регулирующих отношения двух или более лиц по поводу имущественных и личных неимущественных благ, которые порождаются обстоятельствами возникновения и существования в виртуальном пространстве в результате коммуникации и обмена данными в электронно-цифровой форме. Киберправо можно рассматривать как институт цифрового права. Если последнее синтезирует нормы, регулирующие правовую коммуникацию субъектов по поводу использования виртуального пространства, как, собственно, в сети интернет, так и в социальной реальности [40], то первое охватывает лишь правила виртуальной правовой коммуникации.

Предметом регулирования киберправа выступают любые явления, которые испытывают на себе воздействие со стороны субъектов в виртуальном пространстве. В зависимости от характера и видов отношений в виртуальном пространстве к предмету киберправа можно отнести: поведение разных субъектов, разного рода информационные услуги и их результаты, продукты духовного творчества, включая произведения литературы, искусства, музыки и др., ценные бумаги, договоры, официальные документы, честь, достоинство, безопасность человека, вещи, предметы и другие ценности. Критерий отнесения того или иного предмета к ведению киберправа определяется не содержанием предмета, а его функционированием в виртуальной реальности.

Расширение виртуального пространства и появление технологий дополненной реальности потенциально предполагают, что потенциально киберправо не будет ограничиваться отношениями только в сети интернет, но и распространится на смежные отношения, в той или иной степени пересекающиеся с виртуальными.

Киберправо выступает как одна из форм социального права, представляющего собой совокупность правовых ценностей и правил поведения, сформировавшихся в определенном сообществе (обществе, реальной и номинальной группе) и направленных на поддержание бесконфликтного сосуществования внутри сообщества [41]. В

отличие от иных форм социального права киберправо носит глобальный характер, не ограничиваясь территориально и темпорально. Главными критериями его действия являются признание его субъектом и готовность человека не только принять, но и подчиниться ему. Персонализированный характер действия киберправа сближает его с религиозным правом, хотя и с существенным ослаблением институализированных форм применения. Именно глобальный характер киберправа и конвенциональность его формирования позволяют говорить, что принципы этого права имеют общечеловеческий характер, хотя их действие является не объективным, а субъективным, т.е. правовое поведение индивида, в основе которого лежат принципы киберправа, зависит, прежде всего, от готовности и стремления к их соблюдению, а не только от формальной принадлежности к определенному сообществу.

Киберправо представляет собой специфичную форму неформальной (социальной) правовой системы, которая носит фрагментарный характер и представляет собой неупорядоченную совокупность правил, функционирующих в отдельных виртуальных сообществах, закрепляя нормы и ценностные ориентации реальных и номинальных сообществ. Полиидентичность и фрагментарность правовой коммуникации в виртуальном пространстве не позволяют рассматривать киберправо как единую систему правил поведения. Речь идет о множестве относительно самостоятельных нормативных систем, каждая из которых распространяется лишь на определенное сообщество. Однако при этом существует ряд правовых ценностей и правил, имеющих универсальный характер и выступающих своеобразной конвенцией межгрупповой коммуникации в виртуальной реальности.

Можно сформулировать следующие принципы киберправа, определяющие особенности правовой коммуникации в виртуальном пространстве: принципы анонимности, конвенциональности, незыблемости частной собственности, публичности.

Принцип анонимности [42] связан с правом человека на автономию и свободой его частной жизни, а также правом на защиту от вторжения в нее других людей, включая представителей органов публичной власти. Степень открытости информации, которую индивид доводит до других лиц в процессе коммуникации, определяется волей человека и целью, которую он при этом преследует. Информация при этом выступает

средством достижения поставленной цели, даже если она четко не артикулирована субъектом. Именно реализация принципа анонимности позволяет рассматривать киберправо не только в объективном, но и в субъективном смысле как совокупность прав человека, сформированных и реализуемых в процессе виртуальной правовой коммуникации [43].

Принцип конвенциональности предусматривает необходимость конструирования ценностно детерминированных норм, определяющих права и обязанности субъектов правовой коммуникации по отношению друг к другу и иным субъектам и готовность человека следовать этим нормам, его социально ответственное отношение к чужим правам и своим обязанностям [44]. Правила поведения интернет-сообщества выступают конвенциональным результатом правовой коммуникации и направлены на поддержание бесконфликтного сосуществования, развития и функционирования сообщества. При этом речь может идти как о внутригрупповой коммуникации, так и межгрупповой. В последнем случае происходит конструирование правил поведения, претендующих на глобальность и универсальность, но не отрицающих и даже не конфликтующих с групповыми нормами.

Принцип незаблемости частной собственности ориентирует не только на неиспользование средств виртуальной коммуникации для посягательства на имущество в реальном мире, но и на незлоупотребление как виртуальной собственностью (например, в онлайн-играх), так и технологиями блокчейна (например, применительно к криптовалюте). Это предполагает не только применение механизма правового регулирования, сформированного в рамках позитивного права, но и конструирование принципиально новых правил, отвечающих потребностям взаимодействия исключительно в виртуальной реальности.

Принцип публичности как важнейший принцип информационного общества не только определяет право человека на обладание информацией (включая доступ к информационным технологиям и сети интернет), но и предполагает, что человек не должен ограничивать других лиц в коммуникации в тех пределах и возможностях, которые определены техническими средствами и ценностями киберправа и(или) сообщества, с которым себя идентифицирует индивид. Усиление значимости виртуальной коммуникации и все большая трансформация виртуальной реальности в первичную

по отношению к социальному миру сопровождаются стиранием границ частного и публичного [45]. Репрезентация частного в процессе правовой коммуникации все больше трансформирует его в публичное.

Исходя из этого, киберправо можно представить как сложную социальную систему, элементы которой взаимосоотносимы не столько по предмету регулирования, сколько по субъекту. При этом субъектный состав киберправа определяется исключительно субъективно, благодаря самоидентификации индивида в конкретный момент времени, и может изменяться под влиянием ситуативных факторов технического и (или) социокультурного характера.

Формирование киберправа осуществляется конвенционально. В процессе правовой коммуникации виртуальные сообщества конструируют правила взаимодействия, которые обеспечивают бесконфликтное существование, развитие и функционирование данного сообщества. Однако речь идет не о материальном характере конструирования, а процессуальном. В процессе правовой коммуникации выбирается вариант поведения, который не только ситуативно, но и ценностно позволяет преодолеть или не допустить конфликтной ситуации. Именно ценностная ориентация такого правила и позволяет его рассматривать в качестве нормы, действие которой распространяется на всех членов данной группы (субъектов, которые себя идентифицируют в качестве членов данного виртуального сообщества).

4. Заключение

Таким образом, особенностью современной правовой и социальной реальности становится все большая цифровизация, которая сопровождается созданием новой формы правового дискурса, который можно назвать «виртуальным правовым дискурсом». Специфика этой формы дискурса опосредована его виртуальной природой, проявляющейся в конвенциональном характере конструирования как отдельных правовых текстов, так и дискурса в целом. Выступая результатом правовой коммуникации, виртуальный правовой дискурс оказывает значительное воздействие на сознание и поведение человека, хотя участие человека в этом процессе в значительной степени определяется его ценностными ориентациями и используемыми репрезентативными стра-

тегиями. Важнейшим проявлением такого дискурса является киберправо, которое выступает институтом цифрового права и представляет собой совокупность конвенционально сформированных в процессе правовой коммуникации правил, регулирующих отношения двух или более лиц по поводу виртуальных имущественных и личных неимущественных благ. Целью киберправа является обеспечение бесконфликтного сосуществования, развития и функционирования виртуальных сообществ. Многоплановость виртуальной правовой коммуникации определяет, что киберправо представляет собой фрагментированное множество правил отдельных сообществ, имеющих лишь минимально общие черты, которые можно обозначить как принципы киберправа (анонимность, конвенциональность, неизбежность частной собственности, публичность).

Литература

- Poster, M. (1990). *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*. Cambridge, Polity Press.
- Данильян, О.Г., Дзьобань, О.П. (2020) Трансформації цінностей в інформаційному суспільстві: багатовимірність та різнопорядковість. *Вісник НЮУ імені Ярослава Мудрого. Сер. Філософія, філософія права, політологія, соціологія* 3(46), 29-30.
<https://doi.org/10.21564/2075-7190.46.213224>
- O'Barr W.M. (1982). *Linguistic evidence: Language, Power and Strategy in the Courtroom* (Studies on Law and Social Control) NY, Academic.
- Mellinkoff, D. (1963). *The Language of the Law*. Boston, Little, Brown and Co.
- Habermas, J. (1984). *The theory of communicative action*. Boston, Beacon Press, Vol. 1-2.
- Van Hoek, M. (2002). *Law as Communication*. Oxford, Hart Publishing.
- Alexy, R. (1994) *Begriff und Geltung des Rechts*. 2th Aufl. Freiburg (i.B.)/München, Karl Alber.
- Perelman, Ch. (2012). *Ethique et Droit*. Bruxelles, Editions de l'Université de Bruxelles.
- Dubrovskaya, T.V. (2017). *Metapragmatics of Administering Justice in Russian and English Judicial Discourse*. *Russian Journal of Linguistics*, 1(21), 73-90.
<https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-73-90>
- Коновалова, М.В. (2014). *Эвокационная категория когерентности на примере юридического дискурса: монография*. Челябинск, Энциклопедия
- Кривикина, О.А. (2016). *Judicial Dissents: Legal and Linguistic Aspects*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 9(10), 2449-2459.
<https://doi.org/10.17516/1997-1370-2016-9-10-2449-2459>
- Palashevskaya, I.V., Leontiev, V.V., Kurchenkova, E.A., Stepanova, E.D., Bulanov, D.S. (2017) *Correlations of Status Positions of Courtroom Discourse Participants*. *Clinguae*, 3(10), 45-56.
<https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.03.04>
- Antonov, M., Polyakov, A., Chestnov, I. (2014). *Communicative Approach and Legal Theory*. *Rechtstheorie*, 45(1), 1-18.
<https://doi.org/10.3790/rth.45.1.1>
- Храмцова, Н.Г. (2012). *Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения*. Монография. Курган, изд-во Курганского гос. ун-та.
- Chestnov, I.L., Samokhina, E.G. (2020). *The Principle of Relativity in the Post-Classical Theory of Law*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 1(13), 42-49.
<https://doi.org/10.17516/1997-1370-0540>
- Giltrow, J., Stein, D. (eds.). (2017). *The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse*. Berlin/Boston, De Gruyter Mouton, XI.
- Пашенцев, Д.А., Залоило, М.В. (ред.) (2019). *Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов*. Москва, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИНФРА-М.
- Habermas, J. (2004). *The Theory of Communicative Action*. 1, Reason and the Rationalization of Society. Cambridge, Polity Press.
- Поляков, А.В. (2014). *Коммуникативное правопонимание: Избранные труды*. Санкт-Петербург, Алет-Пресс.
- Честнов, И.Л. (2012). *Постклассическая теория права: моногр.* Санкт-Петербург, Алет-Пресс.
- Stubbs, M. (1983). *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford, Blackwell.
- Каждому возрасту свои сеги
<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116691>
- Lipschultz, J.H. (2015). *Social media communication: concepts, practices, data, law and ethics*. NY, Routledge.
- Скоробогатов, А.В., Краснов, А.В. (2016). *Правовое пространство: постклассическая интерпретация*. *Российский журнал правовых исследований*, 3(8), 81-88.
- Lahlou, S. (2008). *Identity, Social Status, Privacy and Face-Keeping in Digital Society*. *Social Sciences Information*, 47, 3(47), 299-330.
<https://doi.org/10.17816/RJLS18163>
- Кондратьева, Л.М. (2012). *Приватное и публичное в виртуальной реальности*. *Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Сер. Теорія культури і філософія науки*, 1029(1/47).
<https://periodicals.karazin.ua/thcphs/article/view/1932>
- Чуева, Е.Н., Москоленко, Д.В. (2020). *Особенности идентификации личности с игровыми персонажами онлайн-игр*. *Ярославский педагогический вестник*, 2(113), 112-120.
<https://doi.org/10.20323/1813-145X-2020-2-113-112-120>
- Димитров, Н.Г. (2018). *Псевдонимы в Интернете как личностно-презентационный инструмент*. *SocioTime / Социальное время*, 2(14), (pp.75-81).
<https://doi.org/10.15350/2410-0773.2018.2.75>
- Скоробогатов, А.В., Краснов, А.В. (2018). *Индивидуальное право как основа правового поведения индивида*. *Российский журнал правовых исследований*. 1(5), 81-90.
<https://doi.org/10.17816/RJLS18352>
- Савинская, О.Б., Шоташвили, В.А. (2013). *Влияние увлеченности онлайн-играми на интенсивность коммуникации и социальные навыки игроков*. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 6(117), 123-135.
- Черняева, К.О. (2010). *Культурная идентификация в социальных сетях Интернета*. *Вестник Поволжского института управления*, 1(22), 209-214.

32. Конева, А.В. (2018). «Цифровая идентичность»: процессы идентификации и репрезентации в сетевой коммуникации. Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, 1, 50-60.
33. Кондаков, А.М., Костылева, А.А. (2019). Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования, 3(16), 207-218.
<https://doi.org/10.222363/2312-8631-2019-16-3-207-218>
34. Хабермас, Ю. (1995). Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. Москва, АО «Ками», Издательский центр «Academia».
35. Молчанова, М.М., Лекова, П.А. (2021) Кризис вербальности контента в интернет-дискурсе. Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2(277), 224-228.
<https://doi.org/10.53598/2410-3489-2021-2-277-224-228>
36. Schellewald, A. (2021). Communicative Forms on TikTok: Perspectives From Digital Ethnography. International Journal of Communication, Vol. 15, 1437-1457.
<https://doi.org/1932-8036/20210005>
37. Хейзинга, Й. (2004). Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Пер. с нидерл. В. Описи. Москва, АСТ.
38. Sheldon, P., Rauschnabel, Ph.A., Honeycutt, J.M. (2019). The Dark Side of Social Media: Psychological, Managerial, and Societal Perspectives. London, Academic Press.
39. Куликова, О.М., Суворова, С.Д. (2021). Роль чат-ботов в построении эффективной коммуникации. Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 4-3(55), 33-37.
<https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-3-33-37>
40. Скоробогатов, А.В. (2021). Цифровое право: в поисках баланса между реальностью и виртуальностью. Вектор развития управленческих подходов в цифровой экономике: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 28 января 2021 года. Казань, Познание, 2021, (pp.410-415).
41. Гурвич, Г.Д. (2004). Идея социального права. Гурвич Г.Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М.В. Антонова, Л.В. Ворониной. Санкт-Петербург, Издательский дом Санкт-петербургского государственного университета, Издательство юридического факультета Санкт-петербургского государственного университета, (pp. 41-212).
42. Алексеева, К.С. (2019). Анонимность и ее влияние на самопрезентацию личности в виртуальной реальности. Общество: социология, психология, педагогика, 5(61), 32-35.
<https://doi.org/10.24158/spp.2019.5.5>
43. Талапина, Э.В. (2019). Права человека в Интернете. Журнал российского права, 2, 41-54.
https://doi.org/10.12737/art_2019_2_4
44. Ладоса, О.М. (2019). Коммуникативные императивы в немецкоязычных социальных сетях. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, Грамота, 5(12), 597-303. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.5.63>
45. Труфанова, Е.О. (2021). Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ. Galactica Media: Journal of Media Studies, 1, 14-38.
<https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>

Andrey V. Skorobogatov
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (EIML), Russian, Kazan

Andrey V. Skorobogatov
V.G. Timiryasov adına Kazan İnnovativ Universiteti (İEUP), Rusiya, Kazan

 0000-0001-9139-5367